

# Алексей Ратманский



НА ЗАКРЫТИИ ФЕСТИВАЛЯ «ДЯГИЛЕВ. ПОСТСКРИПТУМ» В АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРЕ — БАЛЕТ «РУССКИЕ СЕЗОНЫ» АЛЕКСЕЯ РАТМАНСКОГО НА МУЗЫКУ ЛЕОНИДА ДЕСЯТНИКОВА (ПОДРОБНЕЕ О СОБЫТИИ НА С.40)

НОВЫЙ ГЛАВНЫЙ приглашенный хореограф American Ballet Theatre поставил за текущий год балет Сергея Прокофьева «На Днепре» и отанцевал «Семь сонат» Доменико Скарлатти. Соседство двух этих названий само по себе многое говорит об Алексее Ратманском как об универсалисте, живущем по логике парадокса.

Он был им с самой ранней молодости, когда еще танцором работал на Западе, прокачивая через свое тело объемы всей классической и современной хореографии от Бурнонвиля до Бежара. Отечественному балету — нелюбопытному, создавшему фетиш из самого себя, — Ратманский противопоставил космополитический энциклопедизм. «Каприччио» (1997), один из первых его серьезных балетов, выглядел манифестом: на эту музыку Стравинского уже ставил Баланчин, и цитаты из него Ратманский не протаскивал контрабандой, а предъявлял демонстративно, прямо заявляя о своей ориентации, весьма нетрадиционной и вообще для русского искусства, которое вечно озабочено смыслом, и в частности для советского балета с его главенством драматического.

Принципам, сформулированным в раннем оммаже Баланчину, Ратманский остается верен и по сей день. Он ориентируется на классическую традицию XX века, как Баланчин ориентировался на классическую традицию Петипа. Он занимается собственно танцем, то есть формой, а не содержанием. У Ратманского танцевальная материя генерирует сама себя, собой ограничивается и исчерпывается. Ратманский ставит балет о балете: его «Зо-

лушка» про гетры, купальник и пуанты, в ткань абсолютного большинства спектаклей вплетаются нити известных хореографических текстов. Поэтому его любимый композитор прошлого — Игорь Стравинский, а из современников он любит Леонида Десятникова.

Ратманский человек вежливый и корректный, но закрытый. Не дожидаясь конца танцевальной карьеры, он окончательно ушел в хореографы. Отработав пятилетку в Большом (в истории театра она оказалась лучом света), добровольно отказался от главного отечественного поста. Баланчинскому New York City Ballet предпочел American Ballet Theatre. Ратманский всегда гулял сам по себе; неслучайно его дебюты на столичной сцене прошли в антрепризе.

К сорока одному году он очевидно первый хореограф России и, видимо, один из первых в мире. Отстраняется от традиций и стереотипов, играет с ними, и получается дефицитное в балете чувство юмора, за которое принято хвалить Ратманского. Что говорить: нужно быть суперпрофи, чтобы с легкостью двигать краеугольные камни традиции, крепко чувствовать точку опоры для балансировки. От его балетов исходит ощущение полной свободы и невыносимой легкости, потому что их автор очень надежный человек и работает как бухгалтер, ставит отмеренное количество минут в день. Обыкновенный гений в том смысле, в каком понимал гениальность Ньютон: «Терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении». Хотя бы в направлении прыжка.

ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ